

Васильева С.В., Бурятский государственный университет (Бурятия, Россия)

Доклад 2 *«Государственная модернизация старообрядческих институтов Байкальского региона в имперский, советский и постсоветский периоды».*

В докладе институты старообрядчества Байкальского региона (в современных границах это Иркутская область, Республика Бурятия, Забайкальский край), за достаточно долгий хронологический период рассматриваются как один из основных субэтнических элементов этноконфессионального пространства и объекта государственного управления. Особое внимание уделяется вопросу методологического дискурса, основанном на цивилизационном подходе к проблемам понимания природы государственного регулирования и управления этноконфессиональными общественными отношениями в контексте методики реализации интеграционной и унификационной роли государства. В заключении анализ источников позволяет сделать вывод о том, что, несмотря на противоречивость и нестабильность правовых основ вероисповедной политики и трудности ее реализации, налицо изменение положения древлеправославной церкви в постсоветской России и Байкальском регионе в частности.

В последние десятилетия в культуре Байкальского региона происходит пересмотр ценностных ориентаций разных культур и религий: казаки ориентируются на соборность православия, общекультурные исторические достижения своего сословия; буряты – на культурные ценности Востока, монголоязычного мира и буддизма; старообрядцы – на общекультурные достижения Руси и т.д.

Актуальность представленной проблемы заключается, во-первых, в том, что это целостный анализ правительственного и церковного законодательства по старообрядческому вопросу с выявлением характерных черт, особенностей политического курса официальной церкви и государства, а также процесса его

реализации в Байкальском регионе. Вопрос об эволюции правительственной и церковной политики в отношении региональных старообрядческих сообществ в XVII–XXI вв. затрагивался в отечественной исторической науке по большей части фрагментарно. Как правило, исследовались лишь ключевые мероприятия, законы и указы в отношении приверженцев «старой веры». На сегодняшний день можно констатировать неравномерность изученности проблемы и неравнозначность ее оценок.

Во-вторых, опыт старообрядчества актуален для понимания одного из болезненных вопросов современной России – национального. Самая традиционная по укладу жизни, верности народным традициям, национально-этническому составу часть российского общества никогда не фетишизировала «национальное» в качестве религиозной ценности. При этом в старообрядчестве речь идет не о противопоставлении «христианского» «национальному», а об установлении правильной иерархии духовных ценностей. Сохранение национальной культуры оказывалось естественным органичным следствием устремления старообрядцев сохранить духовные ценности традиционного православия. Знаменитые коллекции икон, рукописей, книг и картин наряду с продолжением фольклорных, ремесленных и бытовых традиций ярко характеризуют старообрядчество с точки зрения экологии культуры.

В-третьих, актуальность исследования определяется необходимостью изучения системы восприятия культурно-национальной идентичности, осознания значимости и последствий существования обособленной группы русских людей вне родины и их самочувствия в поликонфессиональной среде. Постижение истории древлеправославия в данном контексте позволяет более точно и полно представить современную религиозную ситуацию в стране, избежать упрощенных подходов при подразделении вероисповеданий на традиционные и нетрадиционные.

Территориальные рамки представленного доклада охватывают Байкальский регион, куда входят Прибайкалье, Западное и Восточное Забайкалье в современных административных границах Иркутской области, Республики Бурятия и Забайкальского края. Административно-территориальное деление на

протяжении исследуемого периода подвергалось многократным изменениям и реформированию.

Научная новизна представленной проблемы обусловлена тем, что на основе вводимого в научный оборот массива архивных документов проведены отбор, систематизация и изучение обширной правовой, религиоведческой исторической информации, позволившей выявить региональные особенности взаимоотношений государства и старообрядчества. Для полного охвата рассматриваемой проблемы потребовалось более глубокое и всестороннее изучение материалов, содержащих свидетельства очевидцев, а зачастую и участников описываемых событий, и сопоставление их с документальными источниками в рамках изучаемого периода.

Использование широкого круга источников позволило осветить малоизученные страницы истории отношений Советского государства со старообрядческими институтами, расширить представления о роли конфессиональной составляющей в культурно-исторической традиции староверов Байкальского региона в постсоветский период. А так же попытаться реконструировать механизмы руководства государственных и церковных ведомств имперского периода, структур советской и постсоветской системы, курирующих религиозную сферу и оказывающих влияние на характер и содержание вероисповедной политики власти в стране и на ее окраинах.

Важным аспектом новизны является исследование форм и направлений сотрудничества государственных структур (на примере Республики Бурятия) со старообрядческими сообществами региона на протяжении более чем двадцатилетнего периода истории. На основе конкретно-исторического подхода рассмотрен положительный и негативный опыт сотрудничества власти и старообрядческих религиозных организаций в Республике Бурятия, разработаны критерии оценки степени общественно-политической значимости взаимоотношений региональных властей и старообрядчества – от противостояния к диалогу. Основываясь на анализе материала по теме исследования, автор выдвигает *собственную концепцию представленной проблемы*.

Автор считает, что в современной России складывается практически новая система взаимоотношений государства с религиозными организациями, направленная на признание общественной значимости религии и церкви, на сотрудничество в условиях отделения церкви от государства. В поликонфессиональном регионе общественный консенсус возможен лишь на культурном базисе, а не на преференциях по отношению к определенной религии. В связи с этим огромное значение приобретает легальность, легитимность и мировоззренческий нейтралитет государства.

Примером сотрудничества государственных, общественных и старообрядческих сообществ в Байкальском регионе стали подготовка и проведение Первого съезда семейских (1993), принятие Республиканской целевой программы «Изучение, сохранение и развитие культуры семейских» (2001-2006 гг.), создание *действующего* координационного совета по взаимодействию с религиозными организациями при Президенте Республики Бурятия.

Результаты и выводы представленной темы сегодня востребованы для формирования научно обоснованной региональной политики по отношению к религиозным институтам Республики Бурятия. В большей части это связано с тем, что автор в области проблем церковно-государственных отношений выступил в качестве представителя интересов старообрядческих религиозных организаций при взаимодействии с органами законодательной и исполнительной власти, как руководитель и один из авторов инновационного проекта модели этнокультурного образования русской школы в Бурятии (на примере с. Хасурта Хоринского района Республики Бурятия с 2005 г. по настоящее время), как исполнитель реализации целевой республиканской программы «Изучение, сохранение и развитие культуры семейских (2001-2007 гг.)», как член Совета по взаимодействию с религиозными объединениями при Президенте Республики Бурятия (с 2010 г. по настоящее время), как председатель совета по проведению религиоведческой экспертизы Управления юстиции РФ по РБ (с 2008 г. по настоящее время), как руководитель и автор методического семинара «Основы конфессиональных отношений в Республике Бурятия» (2014), как руководитель авторского коллектива словаря-справочника

«Религиозные организации РБ: история и современность» 17 п.л. (2014), председатель орг. комитета по проведению VI Международной научно - практической конференции «Старообрядчество: история и современность, русские традиции и зарубежные связи» и ответственный редактор издания историко-культурного энциклопедического справочника Старообрядцы (семейские) Бурятии – Улан-Удэ : ЭКОС, 2015 .

Основные части доклада:

Останавливаясь на характеристике теоретических основ и методов исследования, проведя анализ историографического массива и источниковой базы автор свои позиции определяет в следующем:

1. Для представления проблемы особого внимания заслуживают термины *вероисповедная политика государства, государственно-конфессиональная политика, государственно-церковные отношения, секуляризация, атеизм*. Ключевым для исследования является понятие «*раскол*». Можно согласиться с положением А.С. Ахиезера: «Раскол есть особое состояние социальной системы, для которой характерен стойкий длительный разрыв коммуникации между слоями общества, жизненно важными для него, их идейное отчуждение друг от друга, невозможность взаимопроникновения смыслами и, следовательно, их социального взаимопроникновения». Раскол сопровождается более глубокое явление – кризис. Стремление преодолеть этот кризис у вождей и идеологов раскола привел их к новациям в идейно-политической сфере. В нашем понимании они – новаторы, а не консерваторы, и под призывом к старине надлежит искать и находить новые для России смыслы, новые сущности.

Формулировка религиозоведческого определения о том, что есть *старообрядчество*, представляется нам достаточно непростой, в виду определенной внутренней противоречивости, обнаруживающейся при попытке раскрытия сущности данного термина.

Мы считаем, что определение старообрядчеству должно быть емким и содержать в себе применимость к различным старообрядческим религиозным течениям и согласиям, а также подчеркивать принадлежность данного религиозного

движения именно к православной вере. На наш взгляд наиболее точное определение старообрядчеству дал М.О. Шахов.

Старообрядчество дало толчок развитию конфессиональных групп русского населения, в частности «*семейских*» Байкальского региона, где на первых этапах освоения региона был сформирован основной ареал их компактного проживания. Согласимся с большинством исследователей, что данное понятие происходит от слова «семья», т.к. семья и семейные отношения являлись одной из главных ценностей старообрядцев, поэтому данная дефиниция является выражением самосознания, осознания своего субэтнического единства.

В связи с этим можно ли в современной ситуации использовать термин «старообрядцы» применительно к «семейским», которые отошли в своих вероучениях от древлеправославия и примкнули к другим конфессиям, и как быть с потомками «семейских», которые остались верны церковным установлениям и традициям старообрядчества? Начиная с конца XVIII в., к старообрядчеству в Байкальском регионе присоединились не только переселенные из Польши «семейские», но и русские – с миграционными потоками в крае.

Поэтому понятия «старообрядцы» и «семейские» применительно к современности надо четко дифференцировать в зависимости от исторического периода. В связи с этим понятия «старообрядцы» и «семейские» нельзя рассматривать как синонимичные, поскольку старообрядчество сегодня – религиозно-общественное течение, сохраняющее церковные установления и традиции древней русской православной церкви, а «семейские» и их потомки – это, в первую очередь, этнокультурная общность, имеющая специфические культурные черты, которые отличают ее от других групп русского населения.

2. Историографический анализ показывает, что тема старообрядчества Байкальского региона находит свое отражение в научных трудах. Работы дореволюционного периода имеют в большей степени популярный характер, послереволюционного периода – научный. Отечественная и зарубежная историография старообрядческого направления проделала достаточно долгий и сложный путь развития, отразив происходившие изменения государственной

политики и общественного сознания. Со времени своего возникновения она не была цельной, включая в дореволюционный период работы представителей разного направления – от историко-философских исследований православно-христианской мысли до трудов светских историков.

В советский период была выработана концепция государственно-конфессиональных отношений. Монополия государственной власти на освещение вопросов взаимоотношения с церковью привела к тому, что в отечественной историографии сформировались своеобразные представления о роли религии и старообрядческой церкви в том числе. В конце 1960-х – начале 1970-х гг. были предприняты первые экспедиции по изучению истории и современного состояния старообрядчества в Советском Союзе. Наряду с московским центром исследований начали активно изучать проблемы старообрядчества представители новосибирской школы Н.Н. Покровский, Т.С. Мамсик, Н.А. Миненко и др., по сей день ведущие изыскания по истории старообрядчества Сибири. Одним из крупных исследователей забайкальского старообрядчества является Ф.Ф. Болонев.

В постсоветский период начинается совершенно новый этап в исторической науке, свободный от идеологических рамок как конфессиональных, так и классовых. Появился доступ к широкому кругу источников. Исследователи различных областей гуманитарного знания проявили интерес к религиозной проблематике. В региональной литературе рассматриваемая тематика является неотъемлемой составляющей социально-политической и экономической истории Сибири. Это, в свою очередь, требовало углубленного изучения процесса заселения и освоения края. Первые сведения о старообрядцах Забайкалья сообщил еще в XVIII в. П.С. Паллас. Немало упоминаний о староверах за Байкалом содержится в записках и дневниках А.П. Мартоса, А. Ровинского, Ю.Д. Талько-Грынцевича, К.П. Михайлова, Г.М. Осокина, Н.В. Ушарова.

В советский период проблему старообрядчества Байкальского региона продолжали изучать преимущественно с точки зрения этнографии и фольклористики, с преобладанием идеологизированного атеистического подхода. Это относится к работам А.М. Селищева, В.П. Гирченко, А.С. Долотова и др.

Сегодня в Байкальском регионе выделяются основные центры по изучению истории старообрядчества – это Иркутский государственный университет (научная школы профессора А.В. Дулова – А.С. Маджаров, Н.Н. Стахеева, А.В. Костров и др.), Бурятский научный центр СО РАН (Р.П. Матвеева, С.В. Бураева, Е.В. Петрова и др.), Бурятский государственный университет (Т.Б. Юмсунова, А.П. Майоров, Н.А. Дарбанова, В.М. Пыкин, С.В. Васильева и др.).

3. Источниковая база исследования представлена корпусом письменных (неопубликованных и опубликованных) и устных материалов, хронологически подразделенных на два периода: XVII – начала XX вв., XX – начала XXI вв. Каждый из этих периодов характеризуется особым набором документов и методикой исследования. Источниковая база проблемы государственной политики в отношении старообрядчества в Байкальском регионе (XVII–XXI вв.) представлена историческими документами и материалами центральных и региональных архивов.

Помимо документальных источников старообрядцы сохранили до наших дней множество вещественных источников: архитектурные памятники (храмы, часовни), иконы, своеобразный традиционный костюм, домашнюю утварь, росписи жилища, которые являются ценным материалом для изучения, достоянием музеев и с полным правом могут служить объектом самостоятельных специальных исследований. Тематические рамки нашего исследования охватывают правовой статус жизни староверов и в меньшей степени – материальную культуру, поэтому вещественные источники привлекаются лишь для раскрытия того или иного вопроса.

Наряду с этими собраниями нами использованы и «личные архивы» духовных лиц и старообрядческих деятелей. Особую группу документов, связанных с историей и культурой русского старообрядчества, составляют материалы, возникшие в результате деятельности различных государственных структур, в том числе и научных учреждений, а также личные архивы исследователей. Отдельную группу составляют технотронные источники – кино-, фото- и интернет-документы.

Итак, представленные источники разнородны по происхождению, функциональной направленности, уровню объективности и имеют ряд особенностей. Во-первых, документы законодательного характера находятся в «смешанных

комплексах» вместе с документами иных раскольнических и сектантских течений, что связано с деятельностью наблюдательных, карательных и реже – научных учреждений. Во-вторых, многие частные распоряжения, касавшиеся отдельных старообрядческих общин или поселений, впоследствии приобретали статус общероссийских в силу их практической реализации. В-третьих, нечеткость формулировок, которая вызывает довольно широкое толкование одного и того же текста. Все это требовало скрупулезного сравнительного сопоставления текстов самых разнообразных источников.

4. *Законодательная политика Российского государства и Русской православной церкви по отношению к старообрядчеству в Байкальском регионе XVII–XVIII вв.* Проблема непростых взаимоотношений государства и старообрядцев представлена в виде противостояния двух ветвей православия, несмотря на то, что именно светская власть определяла характер отношений со староверами, отведя официальной церкви роль инструмента воздействия. В связи с этим формирование законодательной политики правительства в отношении староверов выглядит, на наш взгляд, следующим образом: с 1654 по 1667 г. вопросы раскола были «чисто религиозными»; с 1667 по 1700 г. – раскол воспринимался как «религиозно-политическое явление»; в первой четверти XVIII в. власти начинают относиться к старообрядчеству как к явлению политико-социального характера; с 1738 по 1761 г. – как социально-политическому, а с 1762 г. начинает все больше преобладать социальное восприятие старообрядчества. При этом религиозно-политический аспект все больше и больше концентрировался в XVIII в. в церковно-православных кругах.

Изучение светского и церковного законодательства в отношении старообрядчества в XVIII–XIX вв. позволяет нам утверждать, что государство и церковь были едины, добиваясь одной цели – искоренения старообрядчества часто решали разные задачи, используя различные методы для их достижения. На этом этапе был разработан комплекс мер, регламентирующий практически все стороны жизни старообрядцев. Отличие от предыдущего периода заключается в том, что наряду с ограничением гражданских прав старообрядцев приоритетными мерами

стали экономические. Признав существование старообрядчества как объективную данность, правительство стремилось использовать «раскол» в фискальных целях.

Однако при издании огромного количества законов не был разработан механизм их реализации, что вызывало необходимость появления всевозможных постановлений с уточнениями и дополнениями к этим законам. Политика, проводимая правительством по отношению к отдельным старообрядческим общинам, зачастую отличалась от общероссийской. Что касается стратегии Синодальной церкви, то она не была последовательной и однозначной.

Именно в этот период была начата работа по кодификации законодательства, осуществлялись мероприятия по изучению истории раскола, установлению численности старообрядцев и сектантов; была создана сеть особых секретных учреждений «Секретные совещательные комитеты по делам раскольников»; сформировалась система розыска, судопроизводства и наказания.

5. Отдельного внимания заслуживает вопрос формирования старообрядчества Байкальского региона в контексте реализации государственной политики.

Обеспечивая русское присутствие на азиатских окраинах, государство способствовало в первую очередь заселению стратегически важных территорий (трактов и пограничных линий), укомплектованию штата административных учреждений и пополнению военных гарнизонов. В отличие от приверженцев официальной церкви старообрядцы на местах водворения создавали чрезвычайно прочную неформальную общность, которая являлась основой традиционных институтов самоуправления. И именно это обстоятельство наряду с более рациональной системой хозяйственных ценностей делало старообрядцев весьма подходящей категорией населения для исполнения роли пионеров фронта. Несмотря на антигосударственные настроения, старообрядцы стихийно закладывали основу российской государственности.

Старообрядцы Байкальского региона представляли собой часть русского субэтноса, неравномерно распределенного по территории края, их численность постоянно возрастала в связи с миграционными процессами и естественным приростом населения. В результате масштабного переселения старообрядцев в

Байкальский регион (XVIII в.) оформился территориальный центр старообрядцев (семейских), расположенный в Забайкалье. Носители древнего православия проникали в регион двумя путями: в качестве ссыльных и вольных колонистов. Вероисповедная принадлежность к старообрядческим толкам в XVII в. и первой трети XVIII в. была слабо выражена. Это было связано, во-первых, с тем, что для начального этапа расселения старообрядцев в регионе было важно образовать территориальный, обособленный компактный ареал от всего остального населения, во-вторых, в этот период отсутствовала единая церковно-административная система управления старообрядцами Восточной Сибири. Разделение на согласия явственно ощущалось в XVIII–XIX вв. Старообрядчество Байкальского региона было представлено последователями поповщины, и незначительная часть – беспоповщины. По волостям и селениям последователи разных толков группировались неравномерно. Все это повлияло на то, что расселение старообрядцев в регионе было вовлечено в разнонаправленные процессы. В самом начале для них важно было образовать компактный ареал, обособленный от всего остального населения территориально. Анализ архивных документов позволяет утверждать, что Тарбагатайская, Мухоршибирская, волости были заселены преимущественно «семейскими».

Несмотря на то, что «семейские» были выходцами из разных районов и областей России, разных территорий польских пределов, в Забайкалье они стремились преодолеть этнокультурные различия. Объединяло их в этом случае этноконфессиональное самосознание и специфический этноним – «семейские».

Если в Петербурге все еще опасались вредного религиозного влияния старообрядцев, то окраинные власти поощряли переселение старообрядцев, отмечая их высокий колонизационный потенциал, ценя их способность хранить «облик чистых великороссов». И хотя правительство заботилось о подготовке базы для обороны и будущего имперского расширения, старообрядцы стремились найти свободу вероисповедания или лучшие условия для жизни, шли разными путями и сторонились друг друга, но в результатах их устремленности на восток было многое, что их сближало. Принцип русскости на далекой окраине стоял выше стремления добиться

церковного единства, отражая важные тенденции в формировании общерусской национальной идентичности. В иерархии идентичностей конфессиональный фактор явно уступал национальному. Считаем, что именно это определило впоследствии специфику и уникальность старообрядчества Байкальского региона.

б. Нельзя не отметить особенность реализации государственной политики по отношению к старообрядчеству в Байкальском регионе в XIX начале XX вв.» , в которой курс на «противораскольническую» деятельность был провозглашен задачей первостепенной государственной важности.

Нормы религиозного законодательства, действовавшие в империи в конце XIX – начале XX в., и миссионерская деятельность православной церкви среди старообрядцев на рубеже XIX–XX вв. приобрели более общий характер. В XIX в. староверы Байкальского региона оказывали активное сопротивление насаждению единоверия, организовано протестовали против притеснений, арестов священников, опечатывания часовен и нелегально поддерживали устои и правила староверия. Обзор нормативно-правового комплекса российского законодательства, в котором курс на «противораскольническую» деятельность был провозглашен задачей первостепенной государственной важности.

К деятельности губернских и местных властей относилось три направления: сбор сведений о старообрядцах, поиск старообрядцев, совершивших преступления, и наказание старообрядцев. Заниматься поиском старообрядцев, совершивших преступления, должны были низшие чины полиции и ведомственные чиновники. С 20-х – 30-х гг. XIX в. на местах и в столице происходило формирование системы всестороннего контроля за старообрядцами.

Анализ нормативно-правового комплекса диссертации позволяет утверждать, что в этот период была начата работа по кодификации законодательства, осуществлялись мероприятия по изучению истории раскола, установлению численности старообрядцев и сектантов; была создана сеть особых секретных учреждений, сформировалась система розыска, судопроизводства и наказания старообрядцев, совершавших уголовные преступления или преступления против веры. Проводниками

государственной политики на местах в отношении старообрядцев и сектантов являлись Секретные совещательные комитеты о раскольниках, которые были созданы при Министерстве внутренних дел. Решение о создании Секретного комитета в Иркутске было принято по Указу императора 25 апреля 1844 г. вследствие осложнившейся ситуации в Забайкальской области, где в конце 40-х гг. XIX в. в селах Куйтун, Куналей, Бичура, Мухоршибирь старообрядцы выступили против закрытия часовен, снятия колоколов, ареста священников.

Значительная часть этих дел проходила под грифом «секретно» или «совершенно секретно», попадая тем самым в компетенцию Министерства внутренних дел, которое ведало составлением программ с целью пресечения деятельности старообрядчества в России. Так, раскол рассматривался правительством как временное зло в государстве, подлежащее уничтожению. Соответственно и правовая система носила ограничительно-запретительный и карающий характер. Сам факт вхождения данных юридических норм в уголовное законодательство является следствием того, что старообрядчество в России было гонимой религией. Между тем анализ статистических документов исследования о численности приверженцев раскола и распространении его на территории Байкальского региона убеждает в том, что это было не временное «зло», а реально существующее явление. Одним из распространенных способов борьбы официальной православной церкви в «развивающемся расколе» в России стало принятие идеи единоверия, однако важный шаг правительства и церкви, призванный стать компромиссным решением проблемы в распространении раскола, привлечь староверов в лоно официального православия, не получил широкой поддержки в России и в Байкальском регионе в частности. Среди документов Иркутской духовной консистории есть дела, полностью состоящие из рапортов приходских священников об отказе староверов присоединиться к церкви на правилах единоверия. Все они относятся к 1840-1850 гг.

Еще одним методом «привлечения» старообрядцев в единоверие и православие была широко распространенная практика конфискации икон, предметов церковной

утвари, богослужебных и других старопечатных, рукописных книг. То немногое, что оставалось у староверов, тщательно скрывалось ими.

Необходимо отметить, что к концу 70-х гг. XIX в. происходит оживление миссионерской деятельности среди старообрядцев, это было связано с появлением новых миссионеров. Так, в ведении главного миссионера Селенгинского Троицкого монастыря Читинской и Забайкальской епархии и приходских церквей находились практически все села по рекам Селенга, Хилок и Чикой, населенные староверами. Однако анализ источников различного происхождения позволил предположить, что миссионерская деятельность православной церкви среди старообрядцев на рубеже XIX–XX вв. приобрела более общий характер. Старообрядцы традиционно сопротивлялись насаждению единоверия, оказывали активное сопротивление, организовано протестовали против притеснений, арестов священников, опечатыванию часовен и нелегально поддерживали устои и правила староверия.

Причины категорического несогласия староверов с единоверцами, неподчинения властям кроются не столько в «бунтарском духе» старообрядцев, сколько в недальновидной политике правительства, чьи чиновники вмешивались в духовные дела. Церковные же власти оказывались практически не у дел, использовали слишком грубые методы, неприемлемые для миссионерской деятельности среди защитников староверия, и в результате потерпели поражение.

В целом, считаем, что для российского законодательства XIX в. по отношению к старообрядчеству характерны расплывчатые формулировки нормативных актов, их двойственность, алогичность и противоречивость.

Начало XX в. со всей очевидностью выявило резкое расхождение позиций государства и общества в религиозном вопросе. Правительство и государственная православная церковь отказывались признавать наличие в России каких-либо стеснений в вопросах веры. Политика Советской России в первой трети XX в. затронула все «согласия» и социальные слои старообрядчества; в том числе объединения, наиболее замкнутые и закрытые для окружающего мира. Старообрядческие общины различными способами были вынуждены реагировать на меняющуюся действительность. Общины старообрядцев Байкальского региона

продолжали оставаться многофункциональными системами с централизованной на различных уровнях структурой, способной самостоятельно (без помощи государства и даже в условиях прессинга со стороны властей) выполнять культовые, хозяйственные, образовательные и другие функции, и долгое время могли противостоять идеологическому и экономическому давлению.

Анализ архивных документов позволил проследить процесс послабления правового положения староверов. В отличие от законов XIX в. о разделении старообрядцев на категории, в указе 1905 г. впервые официально признали существование «вероучений старообрядческих согласий». В первую группу были включены старообрядческие согласия, во вторую – сектантство, в третью – последователи изуверских учений, принадлежность к которым была наказуема в уголовном порядке. Разрешалось устройство старообрядческих школ, отменялся запрет на печать старообрядческих богослужебных книг.

Однако в необходимо сказать о сложности и неоднозначности этого процесса. Наряду с запрещением преследовать «отпавших от православия» правительство по-прежнему запрещало старообрядцам проводить крестные процессии в церковном облачении и публично проявлять обрядовую сторону старой веры. На староверов распространялась статья уголовного законодательства о наказании – заключении в тюрьму лиц, «препятствующих угрозами или насилием над личностью совершению богослужений, обрядов или принуждение к участию в обрядах». Кроме всего прочего, наставники всех зарегистрированных общин были обязаны вести метрические книги, записывая в них все рождения, браки и смерти в семьях членов общины, становясь, таким образом, звеном в государственной системе учета населения. По всем случаям неправильного исполнения треб проводились расследования, и виновные несли соответствующее проступку наказание. Именно по этой причине старообрядцы Забайкальской области Тарбагатайской волости Верхнеудинского уезда игнорировали регистрацию общин и ведение метрических книг, объясняя, что «официальность общины не согласуется с духом их толка, и не имеется совершенно никакой надобности в существовании общины».

Таким образом, исходя из материалов архива, можем утверждать, что в вероисповедной политике России в отношении старообрядцев были задействованы три элемента: само государство, которое должно в идеале защищать интересы всех своих подданных; официальная православная церковь, у которой были серьезные проблемы по внутреннему устройству, взаимоотношениям с государством и старообрядчеством; и, наконец, сами старообрядцы. Для того чтобы успешно построить свою вероисповедную политику, перед государственными органами в начале XX в. стояли чрезвычайно сложные задачи. А строить эту политику было необходимо, т.к. Россия достигла того уровня общественного развития, когда ни внутренняя ситуация, ни внешняя не позволяли иметь нерешенные религиозно-церковные проблемы.

Начало XX в. со всей очевидностью выявило резкое расхождение позиций государства и общества в религиозном вопросе. Февральская революция 1917 г. положила конец длительному периоду в нашей истории, когда российское государство было государством «клерикальным». В своей практической деятельности Временное правительство исходило из принципов светского государства и стремилось реализовать то, что было наработано демократическими партиями в думских баталиях. Старообрядцы, приняв и поддержав Февральскую революцию, уничтожившую их гонителя – монархию, крайне отрицательно отнеслись к социалистической революции, в которой они видели серьезную опасность для России. Угроза, по их мнению, исходила от надвигающейся на страну анархии и декларируемого большевистским правительством атеизма. Тем не менее, несмотря на значительные потери в области прав староверия, в новом законодательстве о культах имелись и некоторые положительные нормы. Положительным в новых условиях явилось и то, что бывшая господствующая церковь, ослабленная жесточайшими репрессиями советской власти, не имела возможности продолжать борьбу со старообрядчеством. Возможно, благодаря тому, что РПЦ отвлекала на себя силы и средства Советского государства на первом этапе его борьбы с религией, староверам в течение определенного времени удавалось избегать его преследований.

Как показывает анализ источников, политическая деятельность провинциального старообрядчества, в частности старообрядчества Байкальского региона, имела свою специфику. На фоне активного участия старообрядцев центра страны в политическом процессе местные староверы были гораздо более пассивными. Большинство старообрядческих общин Байкальского региона проявило в процессе регистрации законопослушность и дисциплину, руководствуясь прямыми указаниями епархиального совета и архиепископии. Общины в процессе регистрации вынуждены были жертвовать своей традиционной замкнутостью и закрытостью религиозно-общественной жизни, а это вызывало сомнения в совместимости сотрудничества с властью с основами «христианского вероисповедания» и побуждало староверов тщательно продумывать последствия своих шагов.

Архивные документы свидетельствуют о том, что наряду с закрытием культовых зданий ухудшилось положение и священнослужителей. В результате комплекса антирелигиозных мер, направленных на окончательное уничтожение церкви, большая часть священнослужителей была лишена элементарных средств к существованию. Репрессиям подвергались не только верующие и члены их семей, в районах компактного проживания староверов Бурятии подверглись арестам и высылкам крепкие хозяйственники и единоличники из числа «семейских».

Таким образом, политика Советской России первой трети XX в. затронула все «согласия» и социальные слои старообрядчества, в том числе объединения, наиболее замкнутые и закрытые для окружающего мира. Старообрядческие общины различными способами были вынуждены реагировать на меняющуюся действительность.

История правового положения старообрядческих общин Байкальского региона в военные годы и послевоенные десятилетия может быть понята только в контексте изменения вероисповедной политики Советского государства, которая произошла в годы Великой Отечественной войны.

В 1930-е гг. большинство старообрядческих храмов было закрыто. На территории СССР не осталось ни одного легально действующего старообрядческого монастыря,

ни одного учебного заведения. Большинство архиереев, священников были репрессированы.

Нападение гитлеровской Германии, развернувшаяся тяжелая война потребовали мобилизации не только всех организационных, финансовых, материальных ресурсов, но и ресурсов моральных, патриотических. Для партийно-советского руководства еще со времен Всесоюзной переписи населения 1937 г. не было секретом, что значительная часть граждан Советского Союза относилась к категории верующих. В Великую Отечественную войну древлеправославные христиане, как и в прежние трудные времена, встали на защиту Отечества. Многие тысячи старообрядцев пали на полях сражений, умерли от голода и болезней.

В 1943–1945 гг. произошли значительные изменения государственной политики в отношении религиозных организаций. Анализ комплекса документов различного происхождения позволяет аргументировано подтвердить существующий в современной историографии вывод о том, что впервые со времени образования социалистического государства со стороны власти была предпринята попытка перейти от политики, направленной на уничтожение церкви как социального института, к конструктивному диалогу с ней. Появились новые государственные органы — Совет по делам РПЦ и Совет по делам религиозных культов, которые, оказывая самое непосредственное воздействие на «подведомственных», стали важным инструментом государственной политики в религиозной сфере. Советская власть через эти органы контролировала и координировала внутреннюю жизнь конфессиональных организаций, в том числе и старообрядческие общины.

Опираясь на современные исследования, диссертант считает необходимым отметить, что, несмотря на явное улучшение положения религиозных организаций в Советском Союзе, было бы ошибочным думать, что советская власть и коммунистическая партия в 1943 г. кардинально изменили свое отношение к религии. Более терпимым стало отношение к религиозным организациям, но не к религиозному мировоззрению. Подтверждением этому служат действия ЦК ВКП(б) и Правительства СССР, предпринятые в 1940-е гг. и направленные на развитие у советского народа научного мировоззрения, материалистического понимания природы и общественной жизни.

В послевоенный период положение древлеправославной церкви было крайне тяжелым. Большинство закрытых в 1930-е гг. храмов так и не было возвращено церкви. Архиепископия Московская и вся Русь ютилась в подсобке единоверческого храма святителя Николы на Рогожском кладбище. Не было получено разрешения на открытие монастырей и учебных заведений. Единственным признаком религиозной «оттепели» стало разрешение издания церковного старообрядческого календаря на 1945 г.

К 1950 г. в древлеправославной церкви служило пять епископов, на сохранившиеся приходы было рукоположено несколько десятков священников. В Байкальском регионе оживление религиозной жизни старообрядцев после Великой Отечественной войны было связано с началом богослужений в молитвенной часовне с. Бичура Бичурского района (1944 г.), с. Новый-Заган Мухоршибирского района (1947 г.).

Как показывает анализ источников, в указанный период происходит постепенная смена акцентов в контактах старообрядческих «согласий» с Русской православной церковью, которая в предшествующий период выполняла по отношению к старообрядчеству преимущественно функции полицейского характера. На передний план постепенно начинают выдвигаться догматические дискуссии, которые сменяются осознанием единства обеих церквей перед лицом общей угрозы – атеизма. Для улучшения антирелигиозной работы в основных старообрядческих районах – Бичурском, Мухоршибирском, Тарбагатайском и Октябрьском районе г. Улан-Удэ были организованы клубы атеистов, которые уже начали вести воспитательную работу среди верующих старообрядцев.

Официальным органом государственного контроля за деятельностью религиозных организаций в стране в 1960–1980-е гг. оставался Совет по делам религий при Совете Министров СССР. Важное место в параграфе отводится освещению деятельности аппарата уполномоченных на местах. Анализ архивных документов позволил выявить специфику деятельности региональных уполномоченных. Она заключалась в том, что абсолютное большинство руководителей – от районного до областного уровня – под различными предложениями

затягивали реализацию распоряжений уполномоченных, порой задерживали и не выполняли, грубо нарушали законодательства о культах. Документы свидетельствуют, что руководство уполномоченных не имело рычагов влияния на представителей местных органов власти. В работе приводятся многочисленные факты привлечения аппарата уполномоченных к работе, не имеющей отношения к их прямым обязанностям.

Таким образом, институт уполномоченных Советов по делам РПЦ и делам религиозных культов в Байкальском регионе переживал те же проблемы становления, что и в других регионах страны: кадровые трудности и недостаточное внимание со стороны местных органов власти. Это обуславливалось целями, принципами и задачами вероисповедной политики Советского государства. С момента формирования Совет по делам религиозных культов по существу стал заложником церковной политики Советского государства, которая менялась, сказываясь на характере и направлениях деятельности этого органа. Специфическими проблемами в регионах можно считать отдаленность от центра, затруднявшую профессиональное обучение уполномоченных; частое привлечение их к другой партийной и советской работе, приводившее к отрыву от основной деятельности и совмещению должностей уполномоченных.

Освещая процесс *модернизации старообрядческих институтов* особо хочу остановиться на *Организации внутриконфессиональной жизни старообрядческих общин в Байкальском регионе* в условиях атеистического государства.

Наличие иерархической структуры позволяло согласиям, приемлющим священство, выстроить соответствующую руководящую вертикаль: приходские советы подчинялись епархиальным советам, которые, в свою очередь, подчинялись Совету при Московской архиепископии.

Архивные материалы церковного делопроизводства позволяют проследить, что конфессиональная жизнь старообрядческих объединений Байкальского региона протекала преимущественно внутри общин, хотя все они входили в более крупные региональные и всероссийские старообрядческие конфессиональные сообщества. Соборы, независимо от согласия, собирались в деревнях, отстоящих на десятки

километров от крупных административных центров, что отчасти рассматривалось как стремление уйти из поля зрения новой власти, которую опасались, но признавали. Работа с архивными документами, позволяет сказать нам о том, что ни один из соборов не высказывался напрямую о политических изменениях в стране и открыто не формулировал своего отношения к каким-либо конкретным проявлениям политики советского правительства.

Изменение внутривластного курса советской власти в отношении религии отразилось и на законодательстве, которое приобрело четкую направленность на организацию все больших затруднений религиозной жизни. Одним из механизмов давления на общины стало увеличение налогообложения на имущество, которое создавало материальные трудности и вынуждало принудить их к отказу от содержания культовых зданий и самоликвидации. В этот период налогообложение на храмы уже предусматривало такие новые платежи, как рента за землю, занимаемую культовыми постройками, и налог со строений.

Таким образом, в советский период в системе организации религиозно-общественной жизни старообрядцев Байкальского региона сохраняются прежние, сложившиеся до 1917 г. структуры – церковно-приходские советы, региональные и всероссийские съезды. Но в то же время в условиях процесса адаптации этих структур к новым социально-правовым условиям изменяются качество и направленность их работы. В тематике конфессиональных съездов, как санкционированных, так и нелегальных, все большее место занимают вопросы о целесообразности и характере взаимодействия со светской властью. В новых условиях церковные советы зачастую вынуждены были решать как духовные, так и материальные задачи выживания общин.

Если рассмотреть внутривластную жизнь старообрядческих общин Байкальского региона в условиях постсоветского общества, то необходимо отметить, главным вопросом теперь становится для всех не только достижение конфессионального единства, но и воспроизводство религиозно-культурной традиции как неперемного условия дальнейшего существования старообрядчества, важнейшими из которых являются сохранение специфических черт бытового уклада, укрепление нравственных норм жизни, религиозное образование.

Политические события, развивавшиеся в СССР во второй половине 1980-х гг., повлекли за собой не только распад союзного государства, коренные изменения в государственной, политической, социальной сферах бывших союзных республик, но и самым существенным образом затронули государственно-церковные отношения, жизнь и деятельность религиозных организаций и граждан, исповедующих различные религии.

Первой затрагивающей интересы старообрядчества проблемой, связанной с проведением в жизнь вновь принятого закона «О свободе совести и о религиозных объединениях» (1990 г.), стала проблема идентификации вероисповедной принадлежности религиозных объединений.

Старообрядческие религиозные организации России не выработали единой позиции по отношению к новому закону. Русская православная старообрядческая церковь оценила его отрицательно и призывала сохранить прежде действовавший закон 1990 г. «О свободе вероисповеданий», а при необходимости постепенно совершенствовать законодательные нормы. В связи с этим гарантии защиты своих прав и интересов старообрядцы склонны видеть не в формальных положениях законов и подзаконных нормативных актов, а в таком субъективном факторе, как степень благожелательности к старообрядчеству светских властей.

В изучаемом регионе структурами, осуществляющими взаимодействие с религиозными организациями, стали: в Иркутской области – Межконфессиональный совет при губернаторе, в Республике Бурятия – Совет по взаимодействию с религиозными объединениями при Президенте РБ, в Забайкальском крае – Управление по внутренней политике при губернаторе Забайкальского края.

Старообрядчество изучаемого региона исторически не было единым церковно-религиозным институтом. Эта разьединенность сохраняется, присутствует и выражается в формировании самостоятельных церковно-административных митрополий. В Байкальском регионе сегодня древлеправославие канонически и административно представлено двумя иерархиями: Русская православная старообрядческая церковь (старообрядцев, приемлющих Белокриницкую иерархию) и Русская древлеправославная церковь.

Особенностью старообрядчества в Байкальском регионе является то, что оно функционирует в условиях поли- и этноконфессиональности. Автор обращает внимание на то, что в истории правового положения старообрядчества можно выделить два периода. Первый – с конца 1980-х по 1997 г. – характеризуется активным поиском своей религиозной идентичности со стороны определенной части Байкальского социума – это выразилось в повышении интереса к религии вообще. Второй период – с 1997 г. по настоящее время – характеризуется сначала стабилизацией, а затем падением интереса к различным проявлениям религиозности.

Пик интереса к возрождению древлеправославия изучаемого региона приходится на самые кризисные годы – 1993–2001 гг. Этот период характеризуется ростом числа верующих, наибольшей активностью прихожан. Надо отметить и тот факт, что старообрядческая деноминация, ставшая заметным явлением общественной жизни России с последнего десятилетия XX в., представляет собой и культурно-исторический феномен, различные формы проявления которого можно обнаружить на всем протяжении истории Байкальского региона.

Для сохранения традиционной культуры семейские Забайкалья в настоящее время активно сотрудничают с органами государственной власти. Примером такого сотрудничества можно считать проведение I съезда семейских (1993 г.), где присутствовали представители компактного проживания старообрядцев Байкальского региона, были сформулированы основные концептуальные подходы, приняты основополагающие документы, избран на демократической основе руководящий орган. Правительством Республики Бурятия в 2001 г. была разработана и утверждена республиканская целевая программа «Изучение, сохранение и развитие культуры семейских (2001–2006)».

Подводя итог хочется отметить, что в Байкальском регионе сложились благоприятные условия для сохранения и развития традиционной культуры староверов. Сотрудничество автора с настоятелями старообрядческих общин, продолжительная работа с руководителями общественных национально-культурных центров старообрядцев (семейских) позволяют сделать вывод о том, что духовное возрождение конфессии в региональном варианте возможно только

благодаря энергии и активной деятельности самих старообрядцев, заинтересованности и лояльности органов государственной власти, интереса к культуре со стороны общественности.

Автор обращает особое внимание на период – с июня 2007 г. по 2013 г, который характеризуется падением интереса общественных и гражданских институтов к конфессии. Значительное количество республиканских программ завершилось, сократилось количество приходов и их последователей. Так, за период 2007-2013 гг. ни одно ходатайство о продолжении проекта по сохранению и изучению старообрядчества в Республике Бурятия, Забайкальском крае не получило положительного решения. Трудности, на наш взгляд, обусловлены очевидным диссонансом в оценках общей ситуации в религиозном вопросе между официальной властью и обществом. Основной причиной этого, являлось отсутствие в руководстве субъектов Федерации единой точки зрения на цели и характер политики в отношении религиозных организаций и на перспективы государственно-церковных отношений в стране.

В заключении хотелось бы отметить, что только с 2014 года по инициативе Правительства и Народного Хурала Республики Бурятия в республике начинается формироваться новое видение на проблему сохранения и трансляции культуры семейских Забайкалья. Начинается подготовка к праздничным мероприятиям, посвященным 250-летию прибытия первых переселенцев-старообрядцев в Бурятию-Встрече старообрядцев мира «Путь Аввакума». Во время которого в городе Улан-Удэ и районах республики прошли международная научно-практическая конференция, освящение Кафедрального собора РДЦ, Этнофорум «Старообрядцы мира», международный фестиваль-конкурс «Раздайся, корогод», республиканский детский фестиваль семейской песни, соревнования по народным играм и забавам, выставки, презентация туристических маршрутов и др.

В связи с этим очень важно критически отнестись к состоявшемуся опыту (положительному и отрицательному) прошедших периодов.

Литература:

1. Васильева С.В. Власть и старообрядцы Забайкалья (XVII-нач.ХХ вв).,Улан-Удэ : Изд-во Бурят. гос. ун-та, 2007. – 233 с
2. ВасильеваС.В. Государственная конфессиональная политика по отношению к старообрядчеству в Байкальском регионе XVII-XXI вв.: историография и источники / С. В. Васильева ; науч. ред. М. Н. Балдано. – Улан-Удэ : Изд-во БНЦ СО РАН, 2010. - 204 с.
3. Религиозные организации Республики Бурятия [Текст] : словарь-справочник / С. В. Васильева [и др.], Адм. Президента и Правительства РБ, Ком. по межнац. отношениям и развитию гражданских инициатив. – Улан-Удэ : Изд-во Бурят. гос. ун-та, 2011. – 240 с.
4. Васильева, С. В. . Бураева С. В. . Иркутско-Амурская епархия: 100 лет в истории древлеправославия [Текст] /– Улан-Удэ : Изд-во Бурят. гос. ун-та, 2012. – 164 с, 34 илл..
5. Васильева С. В. Старообрядцы (семейские) Бурятии: историко-культурный энциклопедический справочник. // Отв.редактор - С. В. Васильева – Улан-Удэ : ЭКОС, 2015. – 260 с.